

DOI 10.15393/j10.art.2016.2901

Борис Николаевич Тихомиров

доктор филологических наук,
заместитель директора по научной работе
Литературно-мемориального музея
Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге,
президент Российского общества Достоевского
(Российская Федерация, Санкт-Петербург)
btikhomirov@rambler.ru

ВНОВЬ ОБ АДРЕСЕ СТАРУХИ-ПРОЦЕНТЩИЦЫ

Аннотация. Статья представляет собою отклик на публикацию в настоящем выпуске «Неизвестного Достоевского» статьи Ю. А. Дунаевой «Еще одна версия адреса “дома старухи-процентщицы”». Рассматриваются точки зрения других авторов на вопрос установления петербургских адресов вымышленных персонажей Достоевского. Анализируются общие проблемы, которыми обусловлена вариативность топографических версий, предлагаемых разными исследователями. Оцениваются различные методологические подходы к проблеме художественной топографии петербургской прозы Достоевского. Обосновывается суждение о принципиальной, неустранимой двойственности ряда топографических указаний в романе «Преступление и Наказание».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Петербург, «Преступление и Наказание», старуха-процентщица, художественная топография, Раскольников, адреса, маршруты

Спустя почти сто лет после выхода в свет романа «Преступление и Наказание», весной 1962 года, Анна Ахматова в одном из автобиографических набросков, прощаясь в конце жизни со «своим» Ленинградом, назвала дом, в котором «Раскольников убил старуху», **«самым страшным домом в городе»**¹. Эта оценка дорогого стоит! В этом же контексте в одном ряду Ахматова упоминает и «разбойную чудовищную могилу царевича Алексея (под лестницей на колокольню)», и «два окна в Мих<айловском> Замке, <...> за кот<орыми> еще убивают Павла», и «ворота, откуда вывозили на казнь народовольцев», и «арку Штаба, где судили сына (Льва Гумилева. — Б. Т.)», и себя «саму в тюремных очередях», и «Летний <сад>, изрезанный зловонными [окопами] щелями (1941)» и др.² Но этот дом — *самое страшное место в Петербурге*, городе, который она окрестила «достоевским и бесноватым»³. Он — словно средоточие, символический центр «инфернального» Петербурга. Но где же этот дом? как его найти на карте города? как к нему пройти? Краеведы, поэты и исследователи творчества Достоевского ищут ответ на этот вопрос уже почти столетие.

Первым, кажется, задался этим вопросом основоположник литературного краеведения Н. П. Анциферов в своей знаменитой книге 1923 года «Петербург Достоевского». Перебрав и отбросив несколько вариантов, он склонился к тому, что дом этот, «выходивший одною стеной на канаву, а другою в —ю улицу»⁴, должен стоять у Ново-Никольского моста, там, где

Садовая улица встречается с Екатерининским каналом. Однако констатировал, что ничего похожего на дом, описанный в «Преступлении и Наказании», здесь «найти нельзя». Зато внимание исследователя привлек 4-этажный дом на противоположной, левой стороне Садовой, угол Никольского переулка (№ 60/2)⁵, который хотя и не выходил в строгом смысле на набережную, но окна его фасада были обращены в сторону канала. Предположив, что Достоевский допустил неточность в романном описании, перенеся этот дом на набережную, Анциферов подробно описал его «физиономию». Я, однако, это описание опущу, поскольку дом на углу Никольского переулка был построен в 1870–1871 гг. и во времена «Преступления и Наказания» здесь находилось совсем другое, 2-этажное здание⁶.

Можно предположить, что Анциферов колебался в найденном решении: оставив в основном тексте характеристику дома на углу Садовой и Никольского переулка, он, похоже в самый последний момент подготовки книги, сделал к его описанию подстрочное примечание, фактически дезавуирующее прежнее решение: «Напротив этого дом — большой с новым фасадом. **Его, видимо, и имел в виду Достоевский.** Дом перестроен. Его задний фасад выходит на канал (№ 65)» [1, 98, сн. 2]. Комментаторы репринтного переиздания «Петербурга Достоевского», К. А. Кумпан и А. М. Конечный, поясняют, что в данном случае имеется в виду дом по адресу: «наб. канала Грибоедова, 118» (см.: [2, 76]). Это, действительно, «преогромнейший дом» (6; 7), принадлежавший в 1860-е годы купцу 2-й гильдии Ивану Зайцевскому и выходящий одним фасадом на Садовую улицу, № 65 (угол Большой Подъяческой), а другим — на набережную канала⁷.

Дом этот, однако, отстоит от дома Раскольников в Столярном переулке гораздо дальше, чем на 730 шагов, если двигаться по Садовой (канал же в этой части города делает такой изгиб, что идти по набережной до названного дома чуть ли не вдвое дольше). К тому же прямой путь к нему пролегал как раз мимо Юсупова сада. Но читатели помнят, что Раскольников шел на убийство не прямой дорогой, а сделал «крюк», чтобы подойти к дому старухи «в обход, с другой стороны...» (6; 60). Значит, кратчайший путь в 730 шагов к дому старухи проходил отнюдь не мимо Юсупова сада.

В силу этих, а также ряда иных противоречий с текстом романа наблюдения Н. П. Анциферова в отношении адреса старухи-процентщицы остались практически не востребованными в исследовательской литературе.

Впрочем, одну оговорку тут необходимо сделать. Скорее всего, именно вслед за Анциферовым адресом жертвы Раскольников считала здание на Садовой «наискосок от Ник<ольского> рынка» и Анна Ахматова в приведенном выше автобиографическом наброске 1962 года. Только она называет не указанный Анциферовым «преогромнейший дом» по Садовой, № 65, а следующий за ним, углом выходящий на набережную канала Грибоедова. Ахматова не называет точного адреса, но пишет: «Дом этот совсем недавно

снесли и поставлен на его месте пузатый урод...»⁸. Наискосок от Никольского рынка — это дом № 67 по Садовой, а по набережной — № 120. Возвышающееся сегодня на этом месте здание, в самом деле, построено «недавно» (относительно даты ахматовского наброска) — в 1959 году⁹.

Топографическую ошибку Ахматовой можно понять: наблюдения в связи с адресом старухи-процентщицы изложены в книге Н. П. Анциферова весьма невнятно и запутаться в них нетрудно¹⁰. Менее извинителен другой ее промах. Когда весной 1962 года делался приведенный автобиографический набросок, на месте здания XIX века уже три года, действительно, красовался «пузатый урод» — 5-этажный дом советской постройки. Но до него на углу Садовой и канала Грибоедова стоял скромный 2-этажный домик, который никак не мог претендовать на право считаться прототипом «преогромного дома» старухи-процентщицы¹¹. Почему, кстати, этот адрес и был отвергнут Анциферовым без обсуждения¹².

Если, идя на убийство, Раскольников проходит мимо Юсупова сада, но направляется далее не вдоль по Садовой к Ново-Никольскому мосту (по версии Анциферова—Ахматовой), то единственно приемлемый вариант продолжения пути героя — это поворот на Екатерингофский проспект (ныне проспект Римского-Корсакова). На этом маршруте близ Харламова моста через «канаву» стоит дом, который выходит сразу на три улицы, его исторический адрес: № 25 по Екатерингофскому, № 15 по Средней Подъяческой и № 102 по Екатерининскому каналу (ныне № 104 по каналу Грибоедова). В 1860-е годы он принадлежал двум домовладельцам — сначала Честнокову, затем Коновалову (данные на 1862 и 1867 гг.)¹³. Дом этот имеет два двора и двое ворот: одни выходят на «канаву», другие в —ю улицу (Среднюю Подъяческую). Построенный в 1800 году, он изначально был 2-этажным, но в 1833 году его надстроили до четырех этажей, а со стороны Средней Подъяческой — до пяти¹⁴. Уже более полувека большинство знатоков Петербурга, исследователей творчества Достоевского именно этот дом рассматривают как наиболее соответствующий описанному в «Преступлении и Наказании» дому процентщицы Алены Ивановны. Первым на него как на дом, где жила жертва Раскольникова, указал в 1959 году В. Е. Холшевников (см.: [11, 425]).

Однако если «физиономией» своей этот дом вполне соответствует изображенному в романе Достоевского¹⁵, то в отношении петербургской топографии указанный адрес порождает для краеведов целый ряд трудноразрешимых проблем, вступая в противоречие с другими городскими реалиями 1860-х годов, нашедшими отражение в «Преступлении и Наказании». Именно поэтому некоторые исследователи критически относятся к адресу на Екатерингофском проспекте и ищут новые варианты расположения дома старухи-процентщицы.

Наиболее радикальную попытку пересмотреть существующую традицию предпринял Б. В. Федоренко. Исходя из того, что в соответствии с рядом

указаний текста романа Раскольников и его жертва должны жить в одной полицейской части города¹⁶, а Екатерининский канал в XIX веке был границей 2-й и 3-й Адмиралтейских (с февраля 1865 года Казанской и Спасской) частей, исследователь предпринял поиск адреса старухи-процентщицы не на левом, как литературные следопыты до него, а на *правом* берегу «канавы». Не менее радикально отнесся Борис Варфоломеевич и к «проблеме Юсупова сада», которая в этом случае встает с особенной остротой. В его версии, идя на убийство и делая крюк, чтобы подойти к дому своей жертвы с другой стороны, Раскольников проходит мимо Юсупова сада, двигаясь по направлению не от Сенной, а к *Сенной* (см.: [4, 203])¹⁷. Исследователь не проговаривает в этой части свою версию подробно, но по логике его решения герой романа должен был перейти Екатерининский канал через Вознесенский мост, выйти на Садовую Вознесенским проспектом и повернуть *налево*, взяв направление к Гороховой улице.

Б. В. Федоренко, кажется, единственный автор, который «поселяет» Алену Ивановну на Екатерининском канале налево, а не направо от Кокушкина моста (если подходить к нему по Столярному переулку). Жертва Раскольникова в этой версии квартирует близ Каменного моста, перекинутого через «канаву» в створе Гороховой улицы. Ее дом находится между Большой Мещанской (ныне Казанской) и набережной Екатерининского канала (см.: [4, 203]).

К сожалению, исследователь не называет точного адреса, но опять же по логике версии Б. В. Федоренко это может быть только дом № 49 по Екатерининскому каналу, выходящий своей задней стороной на Большую Мещанскую улицу, № 26¹⁸. В 1860-е годы он принадлежал Анне Брунст и числился также по Гороховой улице (№ 27)¹⁹. Свой современный облик этот «преогромнейший дом» приобрел в 1859 году. Со стороны канавы у него двое ворот, которые ведут в два взаимосвязанных двора²⁰.

Однако в аспекте петербургской топографии и этот дом порождает множество вопросов. Прямой путь к нему из Столярного переуллка идет по Большой Мещанской улице, однако, направляясь в начале романа к старухе «делать *пробу* своему предприятию» (6; 7), Раскольников почему-то идет к Кокушкину мосту, то есть в обратном направлении от Большой Мещанской, как будто предпочитая прямому пути извилистую набережную «канавы». Равно и в полицейскую контору в начале второй части романа он идет в направлении противоположном «*вчерашней* улице», если понимать под нею Большую Мещанскую. Контора квартального надзирателя 3-го квартала Казанской части располагалась в доме № 67 по Екатерининскому каналу, в двух шагах от Кокушкина моста, через один дом от Столярного переуллка²¹. А к Большой Мещанской необходимо было идти в другой конец Столярного, противоположный Кокушкину мосту. Если же под «*вчерашней* улицей» понимать набережную «канавы», то она делает здесь такой поворот, что

увидеть «тот дом», расположенный близ Гороховой улицы, нет никакой возможности.

К сожалению, Б. В. Федоренко обходит все эти «неудобные» вопросы и ограничивается лишь тем, что намечает возможный маршрут Раскольников после убийства. По его версии, переулок, в который, идя от дома старухи, «поворотил» герой, вновь выйдя затем на «канаву», это, «может статься», Демидов переулок (ныне переулок Гривцова), пересекающий на пути от Мойки к Сенной площади сначала Большую Мещанскую улицу, а затем и «канаву» (см.: [4, 203]). Однако и такое решение вызывает сомнение. Дело в том, что в указанном Б. В. Федоренко доме ворота есть только со стороны набережной Екатерининского канала. Какими бы из двух ворот не вышел Раскольников на «канаву» после убийства, он должен был бы сначала дойти до угла Гороховой улицы, а с Гороховой поворотить в Большую Мещанскую, то есть сделать *два левых поворота*. Однако, увы, это противоречит тексту романа. К тому же от угла Гороховой улицы до поворота в Демидов переулок гораздо больше *ста шагов*, о которых сообщает Достоевский (см.: 6; 69). Так что и этот адрес — всего лишь недостаточно аргументированная исследовательская гипотеза.

И вот в настоящем выпуске «Неизвестного Достоевского» вниманию читателей предлагается еще один, совершенно новый вариант «прописки» жертвы Раскольникова. Ю. А. Дунаева, автор статьи «Еще одна версия адреса “дома старухи-процентщицы”» [6], считает, что Алена Ивановна квартировала в самом конце Большой Мещанской улицы, на углу Фонарного переулка. Третьей стеной этот дом, которым в 1860-е годы владела жена статского советника София Кузьминична Пащенко, выходит на набережную Екатерининского канала.

Статья Ю. А. Дунаевой обладает рядом достоинств, которые нечасто вмещаются в разысканиях литературных следопытов, занимающихся топографией Петербурга Достоевского. Во-первых, исследовательницей серьезно проштудирована история вопроса: она хорошо знает, кто до нее занимался этой проблемой, учитывает аргументы своих предшественников, критически их анализируя. Во-вторых, не боится обнаруживать «узкие места» своей собственной версии и по возможности, за одним-двумя исключениями, старается их «снимать». Наконец, что большая редкость в литературном краеведении, использует архивные материалы, данными которых обосновывает свою гипотезу. К сожалению, я не могу разделить заключения Ю. А. Дунаевой, что указанный ею вариант адреса Алены Ивановны содержит меньше противоречий, чем адреса, предложенные ее предшественниками. Но сказанное выше заставляет со всей серьезностью отнестись к наблюдениям и соображениям автора статьи «Еще одна версия адреса “дома старухи-процентщицы”».

Для начала нужно отметить, что в своих исходных позициях Ю. А. Дунаева следует за принципиальным указанием Б. В. Федоренко, согласно

которому Раскольников и его жертва должны жить в одной и той же полицейской части²². Поскольку Столярный переулок, в котором квартирует герой «Преступления и Наказания», пролегает в 3-м квартале Казанской части, то и адрес старухи-процентщицы исследовательница ищет в границах этой же части. «Преогромнейший дом» Алены Ивановны одной стеной выходит на набережную Екатерининского канала. Взяв за точку отсчета Кокушкин мост, мы ограничиваем поиск дома на «канаве» с одной стороны Крюковым каналом (за ним начиналась Коломенская полицейская часть), с другой — Гороховой улицей (дальнейшее движение в сторону Невского проспекта противоречит указанию на расстояние в 730 шагов).

В обозначенном интервале на набережную Екатерининского канала выходят Демидов (ныне Гривцова), Столярный, Фонарный и Мариинский (ныне Львиный) переулки, а также Вознесенский проспект. Указание текста, согласно которому, уходя после убийства из дома старухи-процентщицы, Раскольников свернул из ворот налево, а затем, сделав *поворот в переулок*, вновь оказался на «канаве» (см.: 6; 69–70), позволяет локализовать поиск. Вариант с Демидовым переулком был рассмотрен в версии Б. В. Федоренко. Столярный переулок отбрасываем, что называется, «по умолчанию». Вознесенский проспект ни при каких условиях не может быть назван «переулком». Остаются Фонарный и Мариинский переулки. Ю. А. Дунаева отработывает вариант, связанный с первым из них. В ее версии искомый дом одной стеной выходит на Большую Мещанскую улицу (№ 62, совр. № 60), другой, противоположной, — на Екатерининский канал (№ 85, совр. № 83), и, наконец, третий его фасад значит по Фонарному переулку, № 18. Таким образом, исходное топографическое свидетельство текста Достоевского (выходил «одною стеной на канаву, а другою в –ю улицу» — 6; 7) здесь соблюдено безупречно.

Современный дом, который стоит на этом месте, построен в начале XX века. Поэтому исследовательнице пришлось поднять архивные документы. И тут возникает первая заминка. Согласно данным, приведенным в статье, в 1860-е годы дом статской советницы С. К. Пашенко был, что называется, «сборным» и в силу этого разноэтажным. Правая часть здания, выходившая на Екатерининский канал и Фонарный переулок, была 3-этажной. В левой части на углу Фонарного и Большой Мещанской улицы располагалась 2-этажная хозяйственная постройка. И лишь дворовой флигель, боковой стороной выходивший на ту же Большую Мещанскую, был 4-этажным. Исследовательница сама задается вопросом: можно ли применительно к такому дому «употребить эпитет “преогромнейший”»? И отвечает так: «возможно, в данном случае, Достоевский имел в виду» не высоту здания, а «большое пространство, которое занимали все постройки участка, выходившего сразу на три улицы» [6, 54].

Впрочем, по указанию автора статьи, старуха-процентщица жила в 4-этажном дворовом флигеле. Так что вопиющего противоречия с текстом

здесь пока нет. Но далее возникают две новые заминки. Уже вопреки тексту романа, в доме С. К. Пащенко имелся всего лишь один двор и, заходя в него со стороны Большой Мещанской улицы, к парадной, в которой жила Алена Ивановна, нужно было повернуть *налево*, в то время как в романе «лестница к старухе была <...> сейчас из ворот **направо**» (6; 60; ср.: 6; 7). Если же заходить со стороны Фонарного, то к флигелю и вообще идти нужно было прямо, через двор, без каких бы то ни было поворотов.

К чести Ю. А. Дунаевой надо отметить, что она не обходит эти противоречия. Но попытки «снять» их представляются малоудовлетворительными. В первом случае исследовательница пишет: «...двор был один. Однако из-за его сложной конфигурации и из-за того, что второй выезд не был виден со стороны Фонарного переулка, **можно было подумать**, что дворов два» [6, 51]. У Достоевского сказано однозначно: «Входящие и выходящие так и шмыгали под обоими воротами и **на обоих дворах дома**» (6; 7). Так что неясно, кому «можно было подумать»: «всеведущему» автору?²³ Раскольникову, заходившему во двор со стороны Большой Мещанской улицы? случайному прохожему? Указание же на то, что «второй выезд не был виден со стороны Фонарного переулка» и это могло создать впечатление, что дворов было два, мне вообще непонятно без дополнительных пояснений.

Что же касается левого/правого поворота, который, зайдя во двор, делает Раскольников, направляясь к старухиной парадной, то здесь комментарий автора статьи может удовлетворить читателя еще меньше. «По плану участка С. К. Пащенко получается, — пишет Ю. А. Дунаева, — что он должен был повернуть налево. Объяснить данное несоответствие можно лишь допустив, что Достоевский нарочно изменил направление движения на противоположное, **чтобы избежать излишней узнаваемости дома после публикации романа**» [6, 54]. Сомнительное утверждение! Мало того, что подобным образом легко можно устранить *любое* противоречие тексту, нарушающее стройность предлагаемой исследователем версии. Тезис об «излишней [!] узнаваемости», особенно после сделанных оговорок о количестве дворов и заурядной высотности дома С. К. Пащенко, воспринимается как сильнейшее преувеличение автора статьи. Мерой же узнаваемости этого дома является то, что за 150 лет, прошедших со времени публикации «Преступления и Наказания», никто ни разу не заподозрил, что речь у Достоевского может идти именно об этом доме.

Есть и еще одна проблема. До конца 1840-х годов бóльшую часть участка С. К. Пащенко занимал обширный дровяной двор, обнесенный забором на всем протяжении Большой Мещанской улицы и части Фонарного переулка. Каменное 3-этажное здание стояло только на углу Фонарного и Екатерининского канала²⁴. В 1850-е годы на территории двора, примыкавшей к соседнему участку, был поставлен флигель, а угловую часть двора на месте бывшего забора заняла нежилая 2-этажная постройка. Однако, судя по плану участка 1859 года, приложенному Ю. А. Дунаевой к своей статье,

можно как будто заключить, что эта нежилая постройка (предназначенная, очевидно, для служебных целей: конюшня, сарай для экипажа, кладовые, ледник и т. п.) ни с одной, ни с другой стороны не примыкала вплотную к жилым зданиям: на плане отчетливо видны оставленные между домами *проезды*. Причем со стороны Фонарного переулка показаны ворота, а со стороны Большой Мещанской улицы ворот нет. Стены флигеля и служебной постройки образуют здесь что-то вроде проулка. А такая конфигурация еще дальше уводит нас от описания, данного в «Преступлении и Наказании».

Резюмируя эту часть наблюдений, надо заключить, что в целом ряде существенных деталей «физиономия» нового «претендента» на роль дома старухи-процентщицы гораздо менее соответствует изображению Достоевского, чем, например, дом по традиционному адресу на Средней Подъяческой улице.

Но, как было показано выше, «физиономия» дома — лишь половина дела. Не менее важно, насколько данный адрес вписывается в общую петербургскую топографию «Преступления и Наказания». С прежними адресами, которые указывали исследователи до Ю. А. Дунаевой, именно в этой части возникали разнообразные проблемы. Теперь необходимо рассмотреть, насколько новый адрес старухи-процентщицы соответствует маршрутам, которыми Родион Раскольников перемещается по Петербургу.

Начать следует с маршрута, которым герой уходит из дома своих жертв после убийства (ведь именно поворот в переулок, выходящий на «канаву», подсказал Ю. А. Дунаевой направление возможного поиска). «После убийства, — пишет исследовательница, — Раскольников мог воспользоваться выходом на Большую Мещанскую, повернуть налево по улице, дойти до переулка, повернуть в него и выйти на набережную Екатерининского канала» [6, 51]. Этот маршрут внешне кажется вполне приемлемым, но при ближайшем рассмотрении в нем также обнаруживаются серьезные противоречия. Длина участка С. К. Пашенко по Большой Мещанской улице, согласно справочнику середины XIX века, составляла 16 с половиной сажений²⁵. Примем расстояние от ворот (или проезда) до угла Фонарного переулка условно за 15 сажений. Из расчета 2,16 метра в сажени это будет чуть более 30 метров. В романе же читаем: «А между тем ни под каким видом не смел он очень прибавить шагу, **хотя до первого поворота шагов сто оставалось**» (6; 69). Сто шагов — это как минимум вдвое большее расстояние, нежели длина рассматриваемого дома по Большой Мещанской улице.

Но, может быть, еще важнее психологический аргумент. «Наконец вот и переулок, — пишет Достоевский; — он поворотил в него полумертвый; **тут он был уже наполовину спасен и понимал это...**» (6; 70). Однако, по версии Ю. А. Дунаевой, поворотив в Фонарный переулок, Раскольников оказывается у вторых ворот *того же самого дома*. Более чем сомнительно,

что в этом случае герой мог бы испытать хотя бы и относительное облегчение. Нет, он по-прежнему оставался непосредственно около дома, где только что пролил кровь двух человек.

Ю. А. Дунаева не замечает этого противоречия. Но в отношении другого маршрута Раскольников сама указывает возникающую нестыковку. На следующее утро после убийства герой вызван повесткой в полицейскую контору. Выше уже был назван ее адрес: наб. Екатерининского канала, № 67 — второй дом от угла Столярного переуллка. Согласно тексту романа, расстояние от дома Раскольникова до конторы — «с четверть версты» (6; 74). Тем не менее на этом маршруте, «дойдя до поворота во *вчерашнюю* улицу, он с мучительной тревогой заглянул в нее, на *тот* дом...» (6; 74). Это место всегда было камнем преткновения для литературных следопытов, стремящихся отождествить художественный образ Петербурга в романе «Преступление и Наказание» и действительный облик северной столицы эпохи Достоевского. Где бы мы ни помещали в Столярном переулке дом Родиона Раскольникова, идя в реальную полицейскую контору, он должен был пересечь лишь одну единственную Малую Мещанскую улицу. Ни при каком раскладе она не может оказаться «той улицей».

Для Ю. А. Дунаевой «та улица» — это Большая Мещанская. Но чтобы выйти на нее, нужно двигаться по Столярному переулку в направлении, противоположном дороге в полицейскую контору. Видя это противоречие, но желая его «снять», исследовательница невольно ставит себя в положение «соавтора» Достоевского, дописывая за него роман. «**Если бы** Раскольников направился в контору от своего дома **сразу**, то он не смог бы заглянуть в Большую Мещанскую улицу по пути, так как ему нужно было бы двигаться в противоположном направлении, — рассуждает Ю. А. Дунаева. — Остается предположить, что **он нарочно сначала дошел до угла Столярного и Большой Мещанской, чтобы взглянуть “на тот дом”**, и потом направился в контору» [6, 55]. Такой «зигзаг» на пути Раскольникова в контору — это весьма важная черта, характеризующая психологическое состояние преступника. И будь это действительно так, Достоевский не преминул бы ввести эту деталь в непосредственное повествование. Пока же нужно констатировать, что «изнутри» текста романа снять это противоречие исследовательнице не удалось.

Третий маршрут героя — в эпизоде, когда, стоя на -ском мосту, он принял решение «учинить явку с повинною» в полицейскую контору, но, «чтобы хоть минуту еще протянуть и выиграть время», сделал петлю через другую улицу и вдруг оказался «у *того* дома» (6; 132–133). Поскольку с набережной канала «в контору надо было идти всё прямо и при втором повороте взять **влево**» (6; 132), Ю. А. Дунаева справедливо полагает, что здесь может подразумеваться только Вознесенский мост: при движении от Банковского (как до 1912 года назывался Демидов мост), левый поворот можно было сделать только на Кокушкин мост, уже пройдя мимо конторы.

Но вот тут-то вновь возникает «закавыка». Двигаясь от Вознесенского моста в сторону полицейской конторы, расположенной за Кокушкиным мостом, Раскольников — неважно, шел ли бы он по набережной или делал бы петлю через прилегающие улицы, — неизбежно удалялся бы от Фонарного переулка. Чтобы «снять» это противоречие, Ю. А. Дунаева делает еще одно искусственное допущение. Вопреки контексту, где вполне определенно говорится, что герой направился именно в «контору» (то есть в управление *квартильного надзирателя*), исследовательница произвольно допускает, что тот «идет не в свою квартальную полицейскую контору, а в “районное отделение полиции”, то есть — в съезжий дом Казанской части, причем описанный в романе маршрут наиболее четко указывает на так называемое “старое здание Казанской части”, находившееся по адресу: набережная Екатерининского канала, 105» [6, 56]. Здесь сделаны не одно, а два произвольных допущения: что герой идет не в «контору», а в «часть» (структурное подразделение более высокого уровня) и в придачу — в «часть» не по реальному для 1865 года адресу (Офицерская улица, № 28), а по старому, где в это время уже несколько лет находилось другое административное учреждение. Сопровождается всё это вот таким комментарием: «...Достоевский либо не хотел намекать на действующий адрес съезжего дома той полицейской части, в которой он сам в тот момент проживал <...>, либо не придавал большого значения тому, что адрес устаревший» [6, 57].

Последний маршрут, который «просчитывает» Ю. А. Дунаева, — это знаменитые 730 шагов Раскольникова. Во-первых, надо отметить, что автор статьи ведет отсчет не от общепринятого адреса героя романа в доме № 5 по Столярному переулку (дом наследников каретного мастера И. Иохима), а от так называемого «дома Скуридина» (дом № 9) — альтернативного адреса Раскольникова, предложенного Б. В. Федоренко (см.: [4, 197–201]). Адрес этот является дискуссионным (см. об этом: [10, 201–202]). Но Ю. А. Дунаева избирает его «по умолчанию», не предпринимая собственного аналитического рассмотрения аргументов *pro* и *contra* этого адреса. Очевидно, так удобнее проложить маршрут героя к дому старухи-процентщицы: «Столярный, 9 — Казначейская улица — набережная канала Грибоедова — Фонарный переулок — Казанская улица» [6, 54]. Исследовательница сама не однажды прошла данным путем: «При прохождении этого маршрута человеком среднего роста (170 см) неторопливым прогулочным шагом <...> получалось 720–735 шагов» [6, 54]. Действительно, если идти до набережной от дома № 5 в Столярном переулке (по Гражданской улице, быв. Средней Мещанской), то путь окажется шагов на сто — сто двадцать короче.

Тут, однако, надо заметить, что, идя предложенным Ю. А. Дунаевой маршрутом, Раскольников почему-то проходит мимо первых ворот, ведущих во двор дома С. К. Пашенко, а заходит, обойдя здание кругом, лишь во вторые ворота, со стороны Большой Мещанской (так, очевидно, добираются

до сакраментального числа 730 необходимые полсотни шагов). Но если допустить, что герою по неизвестной причине важно зайти именно в эти вторые ворота, то к ним он мог бы пройти и более прямым путем: по Столярному переулку до Большой Мещанской улицы и затем, никуда не сворачивая, до дома С. К. Пащенко, то есть сделав на своем пути лишь *один* поворот, а не *четыре*, как получается в варианте Ю. А. Дунаевой.

Сделанное наблюдение вскрывает и другое, более существенное противоречие. Оказалось, что из Столярного переулка к дому старухи можно подойти с двух разных сторон, повторю — с набережной по Фонарному переулку и напрямую по Большой Мещанской улице. Как же в таком случае надо понимать совершенно фантастический «крюк», который Раскольников делает по пути на убийство, дважды пересекая канал и проходя по Садовой улице мимо Юсупова сада? Думается, что не случайно Ю. А. Дунаева, критически оценив версии других авторов, свою собственную версию маршрута героя по пути на убийство в статье не излагает, лишь замечая в полемике с Б. В. Федоренко: «...заданный в романе проход мимо Юсупова сада по пути к месту преступления заставляет искать “дом старухи-процентщицы” не к востоку, а к западу от Столярного переулка» [6, 50].

В логике исследовательницы это замечание как будто призвано дополнительно подтвердить истинность ее версии расположения дома Алены Ивановны. Но стоило бы всё-таки уточнить, каким же маршрутом Раскольников шел на убийство. И тут важно отметить, что в XIX веке Подъячского моста, которым сегодня очень просто с левого берега «канавы» попасть сразу же в Фонарный переулок, *не было*: деревянный пешеходный мост появился здесь только в 1906 году, а современный железобетонный — в 1971–1972 годах.

От Юсупова сада на правый берег Екатерининского канала можно было перейти либо по Вознесенскому, либо по Львиному, либо по Харламову мосту. Первый вариант сразу должен быть отброшен: перейдя Вознесенский мост, герой оказался бы на своем обычном маршруте к дому старухи, и задача «подойти к дому с другой стороны» не была бы исполнена. Второй же и третий варианты, при условии, что Раскольникову действительно «надо было <...> торопиться» (6; 60), представляются просто невероятными: они увеличивали время пути по крайней мере на *полчаса*. Екатерининским проспектом герой должен был бы дойти до Харламова моста, затем — короче всего, — не переходя его, Средней (или Малой) Подъяческой выйти на набережную, свернуть влево, перейти «канаву» по Львиному мосту, выйти Мариинским переулком на Офицерскую улицу (ныне ул. Декабристов) и по ней дойти до Фонарного переулка, чтобы зайти в него, действительно, совершенно «с другой стороны». Перейдя же Харламов мост, Раскольников должен был бы добираться до той же Офицерской улицы еще более кружным путем. И это при том, что добраться до Львиного мостика и Мариинского переулка, вовсе не петляя по Садовой мимо Юсупова сада, он мог бы

гораздо проще и, главное, быстрее по набережной от Вознесенского моста, если не по левому берегу «канавы», чтобы не «светиться», проходя мимо «того дома», то — по правому, в этой части довольно прямому, без всяких зигзагов.

Что же мы имеем в итоге? Практически все маршруты героя «Преступления и Наказания», так или иначе связанные с домом старухи-процентщицы, при их критическом рассмотрении в соотношении с адресом, указанным в статье Ю. А. Дунаевой (угол Большой Мещанской ул. и Фонарного пер.), обнаружили более или менее серьезные противоречия с текстом Достоевского. Поскольку и историческая «физиономия» этого дома, подробно восстановленная исследовательницей по архивным материалам, целым рядом существенных деталей отличается от изображенной в романе, необходимо признать, что предложенная гипотеза о местонахождении дома жертвы Родиона Раскольниковова не обладает необходимой доказательной силой. Старый, традиционный адрес Алены Ивановны, указываемый в большинстве краеведческих работ (в доме на Средней Подъяческой улице и Екатерининском канале), также содержащий ряд противоречий с петербургскими реалиями 1860-х годов, тем не менее должен быть расценен как более предпочтительный.

У данной проблемы есть, однако, один важный особый аспект, которого необходимо коснуться в завершение разговора. По ходу изложения Ю. А. Дунаева не однажды ссылается на полемику Д. С. Лихачева с К. А. Кумпан и А. М. Конечным по вопросу о принципах соотношения реального Петербурга 1860-х годов и его художественного отражения в романе «Преступление и Наказание». В этой полемике скрестились полярные точки зрения на природу художественной топографии в петербургской прозе Достоевского. К. А. Кумпан и А. М. Конечный, обобщая десятки проанализированных ими примеров, акцентируют в романном образе Петербурга «тенденцию, вероятно, принципиальную для Достоевского, к **деконкретизации и сдвигу реальной топографии**» [7, 190]. По наблюдениям исследователей, автор «Преступления и Наказания» «скрупулезно точен локально, в каждом эпизоде, но сведенные воедино указания противоречат друг другу» [7, 188]. Их вывод: «скрупулезный топографизм, присущий физиологическому очерку <...> был чужд Достоевскому» [7, 190].

Д. С. Лихачев оспаривает такой подход. «Не подлежит сомнению, — пишет ученый, — факт усиленных поисков Достоевским топографической достоверности, попытки точно описать все места жительства, места событий и маршруты действующих лиц. Если Достоевский и ошибался, называя в одном случае этаж, на котором жила Соня Мармеладова, третьим, а в другом случае вторым, то это несколько не свидетельствует о том, что он сознательно стремился деконкретизировать события, описать их топографически неточно. Неточности были неизбежны именно в силу стремления к точности, в силу того, что автору невозможно было запомнить и повторить

все те точные, в смысле количества шагов, поворотов и переходов, указания, которые он столь часто делал в своих романах» [8, 54]²⁶.

Приведенное суждение Д. С. Лихачева взято Ю. А. Дунаевой в качестве методологической основы ее статьи. Однако результат, к которому пришла исследовательница, фактически подтверждает справедливость позиции К. А. Кумпан и А. М. Конечного. Я также неоднократно писал о принципиальной, неустранимой двойственности петербургской топографии «Преступления и Наказания», приводил конкретные случаи деконкретизации, сдвигов в пространстве романа реальной топографии северной столицы (см.: [10, 135–136, 184–185, 194, 197, 222–223]). Чтобы не быть голословным, иллюстрирую сказанное одним примером, имеющим ближайшее отношение к теме статьи Ю. А. Дунаевой.

Выше упоминалось, что отдельные локальные топографические указания текста романа, сведенные вместе, создают ирреальное представление о том, что Раскольников и старуха-процентщица жили на территории одной административной полицейской части и одновременно — по разные стороны Екатерининского канала, который в 1860-е годы являлся границей двух полицейских частей — Казанской и Спасской. Очевидным стимулом топографических разысканий Ю. А. Дунаевой было стремление «снять» это противоречие, найти для Алены Ивановны непротиворечивый адрес в пределах той же Казанской части, в которой квартирует и главный герой. Однако легко показать, что такая «топографическая однозначность» не входила в замысел Достоевского, а по ряду специфических причин являлась даже нежелательной.

Пятая глава четвертой части романа начинается словами: «...на другое утро, ровно в одиннадцать часов, Раскольников вошел в дом –й части, в отделение пристава следственных дел, и попросил доложить о себе Порфирию Петровичу...» (6; 254). В эпоху создания «Преступления и Наказания» Петербург был разделен на тринадцать полицейских частей. Пристав следственных дел — не рядовой сыщик, а высшее должностное лицо, заведовавшее уголовными расследованиями на территории своей полицейской части. В соответствии с административным членением столицы в Петербурге было тринадцать приставов следственных дел (по количеству частей). Расследование дела об убийстве старухи-процентщицы и сестры ее Лизаветы, естественно, должно было быть принято к производству в той полицейской части, где проживали убитые. В 1865 году приставом следственных дел Казанской части был коллежский асессор Н. А. Лоссовский, Спасской части — коллежский асессор И. А. Куприянов²⁷. Конкретно представить в романе, в какой полицейской части квартировала Алена Ивановна, значило прямо указать на реальное официальное лицо, которое должно было расследовать такое уголовное дело. Представляется несомненным, что стремление избежать возможности подобного однозначного соотнесения вымышленного пристава следственных дел во всей совокупности его

индивидуальных проявлений и конкретного, причем далеко не рядового полицейского чиновника как раз и послужило одной из причин, обусловивших необходимость для писателя вводить *принцип неопределенности* в художественную топографию романа.

В других случаях деконкретизация и сдвиги в городской топографии романа обусловлены иными причинами и творческими задачами. Но в рамках настоящей статьи я ограничусь одним этим показательным примером.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino, 1996. С. 224.
- 2 Там же. С. 216.
- 3 Строчка из «Поэмы без героя».
- 4 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. Ленинград: Наука, 1973. С. 7. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома, книги (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.
- 5 В книге по небрежности напечатано: «...на левом углу Садовой и Никольского **рынка**» [1, 98]. Адрес Никольского рынка, расположенного за Никольским переулком, — Садовая ул., № 62/1.
- 6 См.: Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: справочник / под общ. ред. Б. М. Кирикова ; [авт.-сост. А. М. Гинзбург, Б. М. Кириков, при участии С. Г. Федорова, Е. В. Филиппова]. СПб.: Пилигрим, 1996. С. 125; [Цыловъ Н. И.] Атласъ тринадцати частей С. Петербурга съ подробнымъ изображеніемъ набережныхъ, улицъ, переулковъ, казенныхъ и обывательскихъ домовъ / составилъ Н. Цыловъ. С.-Петербургъ, 1849. [20] л., 407 л. (раздел. пагин.). Л. 38. С. 23.
- 7 В середине XIX века по Садовой улице дом был 4-этажным, по набережной Екатерининского канала — 3-этажным (см.: [Цыловъ Н. И.] Атласъ тринадцати частей С. Петербурга. Л. 38, 40. С. 252). По-видимому, уже в XX веке фасады по обеим улицам надстроены на один этаж.
- 8 Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). С. 224.
- 9 См.: Citywalls [Электронный ресурс]: Архитектурный сайт Санкт-Петербурга. URL: <http://www.citywalls.ru/house2090.html?s=0msgbf5fen602k3en35mgjdjq5>.
- 10 Так, скажем, С. В. Белов, делая обзор всех адресов старухи-процентщицы, которые упоминали литературные следопыты, остался при убеждении, что Анциферов указал адрес «на левом углу Садовой и Никольского рынка», выходящего на канал», не обратив внимания на подстрочное примечание автора и пояснение к нему К. А. Кумпан и А. М. Конечного [5, 50]. Показательно также, что в коллекции музея ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН хранятся фотографии петербургских адресов некоторых героев «Преступления и Наказания», сделанные по указаниям в книге Анциферова «Петербург Достоевского», — Родиона Раскольникова и Сони Мармеладовой. Но фотографии дома Алены Ивановны здесь нет (см.: [9, 154–155]).
- 11 См. примеч. 9.
- 12 Однако в работе более позднего времени, диссертации, защищенной им в 1944 году, сам Анциферов, в противоречии с собственными наблюдениями 1923 года, помещает дом жертвы Раскольникова «**на углу** Садовой и канала» [3, 308].
- 13 См.: [Цыловъ Н. И.] Описание улицъ С.-Петербурга и фамиліи домовладѣльцевъ къ

- 1863 году / составилъ Н. Цыловъ. Санктпетербургъ: Типографія Товарищества «Общественная Польза», 1862. С. 95, 100, 316; Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, съ Васильевскимъ островомъ, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою: въ 5-ти отдѣленьяхъ / составленная подъ покровительствомъ Его Превосходительства Господина С.-Петербургскаго Оберъ-Полицеймейстера Генераль-Лейтенанта Трепова. С.-Петербургъ: Изданіе Гоппе и Корнфельда, 1867–68. Отд. V. С. 39.
- ¹⁴ См.: [Цыловъ Н. И.] Атласъ тринадцати частей С. Петербурга. Л. 40, 49, 51. С. 271; Фомичев С. А. Грибоедов в Петербурге. Л., 1982. С. 196. В 1902 году дом уже был семиэтажным. «Когда в 1909 г. здание было надстроено мансардой, то стены не выдержали нагрузки, и потому мансарда и седьмой этаж были снесены» (Там же).
- ¹⁵ Представляется труднообъяснимым, почему Н. П. Анциферов, лишь вскользь упомянув этот дом на пересечении Екатерингофского проспекта и канала, отказался от его конкретного рассмотрения на том уязвимом основании, что, хотя он «ближе к дому Раскольникова и соответствует больше расстоянию в 730 шагов, зато –ая улица более соответствует Садовой» [1, 98]. Выходит, что Средняя Подьяческая улица как «–я улица» романа исследователем не была опознана.
- ¹⁶ См., например: «...**В нашей-то части**, старуху-то убили» (6; 127), — говорит Раскольникову Заметов, письмоводитель в полицейском квартале, к которому территориально относится дом, где живет герой романа.
- ¹⁷ Статья построена в форме интервью с Б. В. Федоренко.
- ¹⁸ К. А. Кумпан и А. М. Конечный указывают этот адрес так: «“Дом” старухи — угол Держинского (Гороховой) и канала [Грибоедова]» [7, 182].
- ¹⁹ См.: Списокъ домамъ С.-Петербурга по полицейскимъ частямъ и участкамъ / составилъ П. Нейгардтъ; издание С.-Петербургскаго Столичнаго и Губернскаго Статистическаго Комитета. С.-Петербургъ: въ типографіи Юлія Виганда, 1869. С. 32, 33, 34.
- ²⁰ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга. С. 152.
- ²¹ См.: Справочный указатель по С.-Петербургу. Изданіе первое. С.-Петербургъ, 1865. С. 5.
- ²² См. выше примеч. 16.
- ²³ Определение статуса автора из подготовительных материалов к роману (см.: 7; 146, 149).
- ²⁴ См.: [Цыловъ Н. И.] Атласъ тринадцати частей С. Петербурга. Л. 26, 30, 33. С. 181.
- ²⁵ Там же. Л. 26. С. 181.
- ²⁶ К сожалению, Д. С. Лихачев не развернул свой тезис и не проиллюстрировал его конкретными примерами. Полемиическая реплика ученого в адрес К. А. Кумпан и А. М. Конечного появилась как подстрочное примечание при переиздании его старой статьи 1971 года.
- ²⁷ См.: Памятная книжка С.-Петербургской Губерніи на 1865 годъ. Изданіе С.-Петербургскаго Статистическаго комитета. Годъ третій. Санктпетербургъ: Въ Типографіи К. Вульфа, 1865. С. 36–37.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анциферов, Н. П. Петербург Достоевского / Н. П. Анциферов ; илл. М. В. Добужинского. — Петербург : Брокгауз-Ефрон, 1923 (репринтное воспроизведение, [1991]). — 106 с.
2. Анциферов, Н. П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. Приложение к репринтному воспроизведению изданий 1922, 1923, 1924 гг. / Н. П. Анциферов. — Москва : Книга, 1991. — 227, 106, 87 с.
3. Анциферов, Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа

- литературных традиций / Н. П. Анциферов ; сост., подг. текста, послесловие Д. С. Московской. — Москва : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. — 584 с.
4. Батист, Г. «Дом Раскольникова» [запись беседы с Б. В. Федоренко] / Г. Батист // Белые ночи: о тех, кто прославил город на Неве : очерки, зарисовки, документы, воспоминания / сост. И. И. Слобжан ; ред. колл.: М. К. Аникушин и др. — Ленинград : Лениздат, 1974. — С. 188–204.
 5. Белов, С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий / С. В. Белов ; под ред. Д. С. Лихачева. — Изд. 3-е, испр. и доп. — Москва : КомКнига, 2010. — 240 с.
 6. Дунаева, Ю. А. Еще одна версия адреса «дома старухи-процентщицы» / Ю. А. Дунаева // Неизвестный Достоевский [Электронный ресурс] : международный научный журнал. — 2016. — № 4. — С. 47–60. — URL : http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1481714538.pdf (02.12.2016).
 7. Кумпан, К. А., Конечный, А. М. Наблюдения над топографией «Преступления и наказания» / К. А. Кумпан, А. М. Конечный // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1976. — Т. 35. — № 2. — С. 180–190.
 8. Лихачев, Д. С. Достоевский в поисках реального и достоверного / Д. С. Лихачев // Литература — реальность — литература / Д. С. Лихачев. — Ленинград : Советский писатель, 1981. — 215 с.
 9. Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. — Т. 5 : И. А. Гончаров; Ф. М. Достоевский. — Москва ; Ленинград, 1959. — 289 с.
 10. Тихомиров, Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении : книга-комментарий / Б. Н. Тихомиров. — Санкт-Петербург : Серебряный век, 2005. — 472 с.
 11. Холшевников, В. Е. Федор Михайлович Достоевский / В. Е. Холшевников // Литературно-памятные места : очерки / под общ. ред. А. М. Докусова. — Ленинград, 1959. — С. 399–434.

Boris N. Tikhomirov

*Doctor of Philology,
Deputy Director of Academic Affairs
The F. M. Dostoevsky Literary Memorial Museum in St. Petersburg,
the President of the Russian Dostoevsky Society
(Russian Federation, Saint Petersburg)*

btikhomirov@rambler.ru

MORE ON THE ADDRESS OF THE OLD PAWNBROKER WOMAN

Abstract: This article is a repercussion of the publication in the present issue of “The Unknown Dostoevsky” of the article “One more version of the address of the “old pawnbroker’s house” by Dunaeva Yu. A. The other authors’ standpoints of discovering the addresses of imaginary characters of Dostoevsky in St. Petersburg are examined here. The general problems that condition the variety of topographic versions offered by researchers are also analyzed. Both virtues and drawbacks of Dunaeva’s article are studied, as well as different methodological approaches to the problem of the artistic topography of St. Petersburg prose of Dostoevsky are assessed. The opinion on an essential, unavoidable ambiguity of some topographic indications in the novel “Crime and Punishment” is proved.

Keywords: F. M. Dostoevsky, St. Petersburg, “Crime and Punishment”, the old pawnbroker woman, artistic topography, Raskolnikov, addresses, routes

REFERENCES

1. Antsiferov N. P. *Peterburg Dostoevskogo [Petersburg of Dostoevsky]*. Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1923. 106 p.
2. Antsiferov N. P. *Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Byl' i mif Peterburga. Prilozhenie k reprintnomu vosproizvedeniyu izdaniy 1922, 1923, 1924 gg. [The Soul of Petersburg. Petersburg of Dostoevsky. The true Story' and the Myth of Petersburg. An Addendum of the Reprint Edition of the Years 1922–1924]*. Moscow, Kniga Publ., 1923. 227, 106, 87 p.
3. Antsiferov N. P. *Problemy urbanizma v russkoy khudozhestvennoy literature. Opyt postroeniya obraza goroda — Peterburga Dostoevskogo — na osnove analiza literaturnykh traditsiy [Urbanism Problems in Russian Fiction. Experience of Creation of the Image of the City — St. Petersburg of Dostoevsky — Based on the Analysis of Literary Traditions]*. Moscow, The Maxim Gorky Institute of World Literature, 2009. 584 p.
4. Batist G. «Dom Raskol'nikova» [“Raskolnikov’s House”]. *Belye nochi: O tekh, kto proslavil gorod na Neve: ocherki, zarisovki, dokumenty, vospominaniya [White Nights: About those who Glorified the City on the Neva River: Sketches, Drawings, Documents, Memories]*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1974, pp. 188–204.
5. Belov S. V. *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie». Kommentariy [The Novel “Crime and Punishment” by Fyodor Dostoevsky. Comments]*. Moscow, KomKniga Publ., 2010. 240 p.
6. Dunaeva Yu. A. *Eshche odna versiya adresa «doma starukhi-protsentshchitsy» [One More Version of the Address of the “Old Pawnbroker’s House”]*. *Neizvestnyy Dostoevskiy. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal [The Unknown Dostoevsky: International Research*

- Journal], 2016, no. 4, pp. 47–60. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1481714538.pdf (accessed 02 December 2016).
7. Kumpan K. A., Konechnyy A. M. Nablyudeniya nad topografiyei «Prestupleniya i nakazaniya» [Observations on the Topography of “Crime and Punishment”]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Bulletins of the Academy of Sciences of the USSR. The Series of Literature and Language]. 1976, vol. 35, no. 2, pp. 180–190.
 8. Likhachev D. S. Dostoevskiy v poiskakh real'nogo i dostovernogo [Dostoevsky in Search of the Real and the Reliable]. *Literatura — real'nost' — literatura* [Literature — Reality — Literature]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1981, pp. 53–72.
 9. *Opisanie rukopisey i izobrazitel'nykh materialov Pushkinskogo Doma* [Description of Manuscripts and Graphic Materials of the Pushkin House]. Moscow, Leningrad, The Russian Academy of Sciences Publ., 1959, vol. 5 : Ivan Goncharov and Fyodor Dostoevsky. 289 p.
 10. Tikhomirov B. N. “Lazar'! gryadi von”. *Roman F. M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentariy* [“Lazarus! Come forth”. Dostoevsky's Novel “Crime and Punishment” in Modern Interpretation: Commentary]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2005. 472 p.
 11. Kholshchevnikov V. E. Fedor Mikhaylovich Dostoevskiy [Fyodor Mikhaylovich Dostoevsky]. *Literaturnye pamyatnye mesta Leningrada* [Literary Memorable Places of Leningrad]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1959, pp. 399–434.

Дата поступления в редакцию: 01.11.2016